

ленные величины, с которыми всегда приходится иметь дело на практике, представить либо как детерминированные, либо как случайные. При этом требуется еще, чтобы значения детерминированных величин или распределение вероятностей случайных величин можно было бы определить из того экспериментального материала, которым мы располагаем (или в принципе можем располагать)» (там же, с. 6). Но ведь для лингвиста решить вопрос о том, какие «неопределенные величины» разумно представить как детерминированные, а какие — как случайные, — это и означает раскрыть лингвистическую сущность задачи. Равным образом, только располагая лингвистическими знаниями, можно решить, какой экспериментальный материал необходимо собрать. Вообще достаточно нелепо планировать эксперимент без глубинного содержательного анализа проблемы; только после такого анализа исследователь может решить, на каких этапах работы ему нужны СМ (или, что тоже важно, решить, что они ему вовсе не нужны).

Приводимые ниже примеры, как кажется, сделают сказанное более ясным.

Пример 1¹⁵ иллюстрирует ситуацию, когда результат лингвистического эксперимента выражен числом, а сама задача в принципе (т. е. в тех случаях, когда «данные говорят сами за себя», а это иногда случается) может быть решена и без использования СМ. Как известно, в московском произношении имеет место процесс перехода [ш'ч'] → [ш']̄ в пределах одной морфемы (ср. произношение слов типа *щука*, с одной стороны, и *мужчина*, *дождь* — с другой). Гипотеза состоит в том, что данный фонетический процесс является живым и вариант [ш']̄, который, по литературным данным, уже в начале века был «господствующим», в современном произношении продолжает вытеснять [ш'ч']. Очевидно, что для проверки такой гипотезы надо располагать численными данными, на материале которых можно рассматривать вопрос о том, какой вариант преобладает. Поскольку численные данные о распределении произносительных вариантов в начале века отсутствуют, было принято, что процесс перехода [ш'ч'] → [ш']̄ можно изучать, наблюдая произношение соответствующих поколений носителей языка. Для исследования были отобраны даже группы информантов, в среднем различающихся по возрасту на 50 лет: группа 1 — лица, родившиеся в начале XX в.; группа 2 — лица, родившиеся в середине XX в. Информантам предлагался список слов, позволяющих определить, какой из двух вариантов произношения реализуется. Всего было получено около 80 ответов для группы 1 и около 600 ответов для группы 2. Относительная частота вариантов произношения в двух группах представлена в таблице.

	[ш']̄	[ш'ч']
Группа 1 (начала XX в.)	73%	27%
Группа 2 (середина XX в.)	89%	11%

Нас, разумеется, интересует не распределение вариантов среди конкретных лиц, служивших информантами. Нам хотелось бы знать, насколько правомерно на основе наблюдений над этой ограниченной группой делать вывод об изменениях произносительных норм. Итак, как осмыслить данные таблицы? Насколько им можно доверять? Возможна ли, например, ситуация, при которой при повторении подобного исследования 2-я и 1-я строки таблицы поменяются местами?

¹⁵ Барниова Г. А. О произношении $\bar{ж}$ ' и $\bar{ш}$ '. В сб.: Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966.